

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 5

ЮБИЛЕЙНЫЙ

По материалам
пятой международной научной конференции,
посвященной 50-летию со дня кончины А. П. ПЛАТОНОВА

23–25 апреля 2001 года. Москва

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2003

Наталья Корниенко (Москва)

ПИСЬМО А. ПЛАТОНОВА М. ШОЛОХОВУ И НЕКОТОРЫЕ КОНТЕКСТЫ РАБОТЫ ПИСАТЕЛЯ НАД КНИГОЙ СКАЗОК «ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО»

Дорогой Михаил!

Благодарю тебя, что ты нашел время и прочитал три сказки. Теперь нужно твое мнение сообщить в Детиздат. Как это сделать? Можно написать по несколько слов на каждой рукописи, можно одну записку, что, дескать, сказки подходящие, — и эту записку или рукописи с твоим заключением направить в Детиздат. Из Детиздата можно вызвать курьера (тел К 18905). Можно наконец все это дело направить мне. Для меня это жизненно важно.

У меня есть несколько вопросов к тебе. Если бы удалось их решить, я бы, может быть, встал на ноги и избавился от своей болезни. Вопросы эти простые, но для меня, для моих сил, неразрешимые. Изложить их в письме долго и трудно. А увидеться с тобой нет возможности, как я ни желаю этого.

Один из вопросов — и самый главный — это организация дела издания русского эпоса. Ты сам понимаешь, что это значит. Оно имеет общенациональное значение. Без тебя мы этого дела не вытянем, с тобою оно пошло бы легко.

Я пишу тебе это письмо потому, что мне уже совестно тебе звонить и внезапно отрывать от работы. Я тебя ожидал вчера весь день, но видно у тебя совсем нет времени.

С приветом
Андр. Платонов.

20/ХІ 47 г.

Тел. К 19663
Адрес: Москва, Тверской бульв. 25, кв. 27.¹

Текст письма Платонова выявлен В. Васильевым в фондах Вешенского Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова и впервые

цитируется исследователем в краткой хронике жизни и творчества М. Шолохова². Полностью печатается в нашем издании.

Наряду с воспоминаниями современников и опубликованными в 4-й «Стране философов» донесениями в НКВД, «авторы» которых передавали содержание разговоров Платонова и Шолохова в 1930-е гг., данное письмо Платонова к Шолохову относится к важнейшим и исключительно редким документам самой темы «Платонов и Шолохов», а также является драгоценным источником еще пока не написанной истории создания книги сказок «Волшебное кольцо», которая вышла в 1950 г. под общей редакцией М. Шолохова.

Исследование «сказочного» периода творчества Платонова (а это 1940–1950 гг.) и места сказки в языке писателя еще только начинается. Точнее, идет поиск ориентиров, контекстов и первое описание круга научно-текстологических вопросов сказочного пласта в наследии Платонова. Как верно отметил В. Вьюгин, исследование этой темы «пока еще может дать лишь очень приблизительные результаты. Сложная ситуация с рукописным наследием писателя и полное отсутствие сведений об истории создания текстов делают проблематичной их идентификацию. Неизвестно, насколько сильна в них редакторская правка, и поэтому неизвестно, насколько они вообще принадлежат Платонову»³. Письмо Платонова Шолохову позволяет очертить некоторые контуры источниковедческого поля истории создания сказок. Обозначим составляющие контекста письма и попытаемся сформулировать возможные направления поиска ответов на вопросы.

26 февраля 1946 г., отвечая на анкету Бюро секции прозы Союза писателей, Платонов среди текущих работ называет сказки: «...обрабатываю том русских сказок (для свода русских сказок, издаваемых Детгиздатом под главной редакцией Шолохова)»⁴. В фондах архива Союза писателей и Детгиздата нам (пока) не удалось обнаружить документы, подтверждающие утверждение Платонова, что М. Шолохов возглавил работу по изданию русских сказок. Нет этой информации и у биографов Шолохова. Однако не исключено, что это вовсе не описка всегда точного Платонова, а отражение неизвестных нам реалий. В 1945 г. умер А. Н. Толстой, действительный член Академии наук СССР, возглавлявший работу по подготовке к изданию русского эпоса. Кто мог после Толстого от Академии наук и одновременно от Союза писателей возглавить это огромное направление работы? — Только один человек: действительный член Академии наук М. Шолохов (избран в 1939 г.). Возможно, какие-то материалы этой темы и ее обсуждения хранятся в архивах Академии наук. Мы же имеем лишь два факта, подтверждающие весьма тесные в послевоенное десятилетие отношения Шолохова с фольклористами Академии наук. Прежде всего — это проект первого в СССР издания В. Даля: «Пословицы русского народа» готовились к изданию известным фольклористом В. И. Чичеровым и вышли в 1957 г. с предисловием М. Шолохова. Из русских сказок под общей редакцией Шолохова выйдут только две книги: «Волшебное кольцо» — «в обработке А. Платонова» (1950, октябрь) и «Иван меньшею — разум большою» — «в пересказе» фольклориста А. Нечаева (1951, август).

Не исключено, что история русской сказки, пережившей в 1920-е гонения и государственный запрет и являющейся константным элементом художественного мира «Чевенгура» и «Тихого Дона»⁵, не раз обсуждалась Платоновым и Шолоховым при встречах. Действительно, кому, как не действительному члену Академии наук СССР и лауреату главной литературной премии СССР по силам было отстоять «дело издания русского эпоса» (Платонов). Заметим, что идея данного проекта в 1946 г. была близка Н. Заболоцкому, мечтавшему воссоздать средствами современной русской поэзии поэтический эпос разных народов (русские былины, «Нибелунги» и т. п.) и опубликовавшему в 1946 г. поэтический перевод «Слова о полку Игореве» (журн. «Октябрь». № 10–11). В русле данного проекта находятся и

книги, которые выпускает в 1946–1947 гг. издательство «Детская литература». Пожалуй, впервые открывается зеленый свет для изданий сказок русских писателей XIX в. Кроме начавшегося уже с конца 1930-х издания сказок А. Пушкина и Л. Толстого, отдельными изданиями выходят: «Мороз Иванович. Сказки» (1944) В. Одоевского, «Аленький цветочек» (1946) С. Т. Аксакова, «Русские сказки» (1946) К. Ушинского, «Сказки» (1947) В. Жуковского и др. Данные издания во многом были освящены авторитетом А. Толстого. Детиздат печатает не только русскую классику, но и сказки советских писателей («Три толстяка» Ю. Олеси, «Муха-цокотуха» К. Чуковского, сказки П. Бажова, М. Пришвина, С. Маршака и др.). В 1946–1947 гг. одно за другим выходят разные издания русских сказок в «обработке» самого А. Н. Толстого.

Однако в 1946 г. Платонов почему-то работает не над русским, а над башкирским эпосом. Тема для него также не была новой. К ней Платонов шел, начиная с «Песчаной учительницы»: к эпосу Азии он обращался в работе над туркменским циклом произведений, а в годы войны она к тому же актуализировалась несколькими месяцами жизни в Уфе (эвакуация), новыми знакомствами и впечатлениями, отразившимися уже в рассказах 1942–1944 гг. Не исключено, что в эвакуации он познакомился с книгой «Башкирские народные сказки», вышедшей в Уфе в 1941 г. под редакцией профессора и известного тюрколога Н. Дмитриева. Примечательно, что именно с предисловием Н. Дмитриева и вышла в 1947 г. в ленинградском отделении Детгиза книга «Башкирские народные сказки» (в «обработке» А. Платонова). Как ни парадоксально это звучит, но эпос народов СССР имел большую, чем русский, возможность издания. Архивы Н. Дмитриева и фольклориста А. Усманова, составителя книги «Башкирские народные сказки» (1947), возможно, хранят неизвестные материалы к истории создания первой книги сказок Платонова. Книга «Башкирские сказки» вышла в ноябре 1947 г.⁶

К методологическим вопросам русской сказки и ее художественной «обработки» Платонов не раз обращался во второй половине 1930-х гг. (рецензии на книги А. Грина, П. Бажова, Джамбула, коллективное издание «Творчество народов СССР» и др.). Классический вопрос, всегда возникающий, когда речь идет о народных сказках в обработке писателей, Платонов еще в статье о «Малахитовой шкатулке» Бажова (1940) повернул несколько по-иному и на первый план вывел вопрос о «философии народа» и «счастливой народной идее». Верность источнику, по Платонову, это верность «всемирному историческому нравственному закону», который и утверждает русская сказка. Проблематика русской сказки возникает также в произведениях, над которыми он работает в 1946 г. Прежде всего, это пьеса о Пушкине «Ученик лицея». С высказываниями героини пьесы, своеобразной пушкинско-платоновской Арины Родионовны, корреспондирует формула сказки, которая появляется в этом же году в кратком изложении содержания пьесы-сказки «Добрый Тит»: «Это должно быть нечто вроде Букваря Жизни, составленного из картинок, понятных для того, кто еще не может ни читать, ни говорить и не обладает логикой взрослого человека»⁷.

Судя по имеющимся документам, первой русской сказкой, которую на рубеже 1946–1947 г. «пересказал» Платонов, стала «Финист — Ясный Сокол». Проведенный В. Вьюгиным обстоятельный детальный анализ «своего» и «чужого» в текстах русских сказок Платонова привел исследователя к выводу: «“Финист — ясный сокол” главным образом представляет собой контаминацию двух вариантов сказки, один из которых содержится в сборнике “Народных русских сказок А. Н. Афанасьева” под № 234 (вероятнее всего, писатель знакомился с изданием, вышедшим под редакцией М. К. Азадовского в 1940 году), а другой — из сборника “Сказки А. Н. Корольковой” (1941). Помимо этого в платоновском тексте

можно увидеть следы обращения к варианту, который помещен в сборнике Афанасьева под № 235»⁸.

Можно ли принцип Платонова-сказочника назвать контаминацией — вопрос не простой. Обратимся к первому опыту анализа сказки Платонова «Финист — Ясный Сокол». Он принадлежит авторитетному фольклористу А. Н. Нечаеву. Отзыв Нечаева состоит из двух частей. Первая часть («Мелочи») прямого отношения к фундаментальным вопросам, поставленным в работе В. Вьюгина, не имеет, а скорее вписывается в общий вопрос прижизненного редактирования произведений Платонова. Фольклорист Нечаев не удержался от искушений редакторов Платонова и представил список 23 странных платоновских сочетаний слов. Вот лишь некоторые: «вышла нужда»; «“чего ей нужно” (надо)»; «самая древняя старуха»; «за хлеб за одежду»; «“пробудись ко мне”?»; «лошадям воздуха от ветра не хватает» и т. д. Сверка с известным текстом сказки показывает, что какие-то из стиливых замечаний Нечаева будут приняты при первой публикации, а другие — нет. Можно сказать, что при подготовке научного издания сказок Платонова, вопросы выбора основного текста представлены во всей текстологической сложности, в целом характерной для наследия Платонова.

Вторая часть отзыва Нечаева — это, по сути дела, свод отступлений Платонова от авторитетных фольклорных источников, свод, имеющий непосредственное отношение к собственно методологии Платонова-сказочника и творческой истории русских сказок писателя:

«Замечания общего характера:

1) пересказ более свободен, чем надо. 1) есть детали мало характерные для р. н. с. и мало чем оправданные. — Удачно раскрытый с самого начала сказки характер скромницы и доброй дочери перегружен излишним смирением, паче гордости, не свойственным характеру девушки. Ведь в сказках народа это лучше. Там сказано, что на вопрос о подарке у младшей дочери есть желание — получить перышко фин. Ясного Сокола. Мотив перв. отказа от какого бы то ни было подарка не правдоподобен и излишен (стр. 2–3).

2) не нужна деталь с серебряным <молоточком — *нрзб.*> (стр. 3);

3) стр. 4 — к чему-нибудь прибавить что-нибудь, для детей не годится, хотя и хорошо, но надо конкретнее.

4) перышко не от ф. я. с., а фин. — ясн. Сокола.

5) откуда старик знает про кручину, раньше не сказано.

6) в сказках в таких случаях говорится, что «видно во сне говорю», и это лучше.

7) лучше, когда сестры усыпили ее сонным зельем или булавочкой, а то такая аккуратная, добрая и любящая вдруг заснула сама, ведь она не соня.

6 и 7) зависть сестер — можно передать лаконичнее и без обстоятельных рассуждений отца. Есть много придаточных предложений и сентенций, как на стр. 8 и 12.

Служба за столом ничем не оправдана, сюжетно роли не играет, и можно ее опустить, а то получается как-то неправдоподобно, что любящий Финист не узнает героиню, а где же сердце вешун и глаза у него — и т. д., в сказках проще и лучше и мухи ни при чем, ведь там честная сделка: получает вещь за исполненное желание, стр. 15, 16, 17; деталь на стр. 18 лишняя, нарушает цельность образа жадной женщины.

Стр. 21. Почему любящая Марьюшка невеста боится своего мужа оттого, что он стал еще краше; противоположно и чуждо человеческому характеру.

Не повредило бы сказке, а наоборот придало бы ей типические черты <нрзб.>, если бы не злоупотребляя ввести две-три формулы, устойчивые для типичных сказок.

И в то же время есть элемент сглаженности, причесанности, стихии народного языка свойственна буйность, а то читатель <заскучает — нрзб.>, диалог должен быть усилен, и более динамичен. Это характерно для р. н. ск.

Следует сказать, что др. сюжет мало благодарен для обработки и его творческая интерпретация труднее, чем др. сказок, но автор справился лучше, чем кто-нибудь другой, преодолел традиции лубоч. обработки. Я считал бы удачной сказку как редакцию в первоначальном варианте»⁹.

Отзыв А. Н. Нечаева не датирован. Весной 1947 г. отзыв Нечаева вместе с текстом сказки «Финист — Ясный Сокол» читает М. Пришвин. Скорее всего, что именно поддержка Пришвина и решила вопрос первой публикации сказки Платонова. В своем лаконичном отзыве Пришвин акцентирует не вопрос верности/неверности источнику, а художественный уровень:

«Сказка Финист — Ясный Сокол в обработке Андрея Платонова удачно выбрана и отлично обработана. Заметки А. Н. Нечаева сделаны во малых случаях правильно и во всяком случае дают автору драгоценную возможность проверить себя в таком ответственном деле, как обработка сказок.

Михаил Пришвин.
Москва. 12.4.1947».

Отзыв Пришвина также распался на две части. Одна — собственно о сказке Платонова, другая — исполненный не без иронии совет фольклористу самому «обработать» сказку (давний спор Пришвина с фольклористами).

Как видим, прохождение первой русской сказки Платонова не было простым, и лишь авторитет Пришвина, скорее всего, и обеспечил ее выход отдельной книгой в Детгизе (ноябрь 1947 г.)¹⁰.

Во многом непростую историю отношений Платонова с фольклористами, от взызы которых зависело, в частности, и решение редсовета издательства, можно вычитать из опубликованной в июне 1947 г. на страницах журнала «Огонек» рецензии Платонова на книгу А. Толстого «Русские народные сказки в обработке А. Н. Толстого» (1946). В рецензии Платонова, текст которой републикуется в данном издании (с. 951–952 наст. изд.), не названа ни одна сказка Алексея Николаевича Толстого (1882–1945), а цитируется лишь статья Толстого о его работе над сказкой. Авторитетность имени А. Толстого давала возможность Платонову ответить на замечания Нечаева, а также сформулировать и защитить собственную художественную методологию создания сказки. Вот основные положения этой методологии.

1. Сказки — это «высокая бессмертная народная литература» и своеобразие сказки в том, что она принадлежит устной литературе, т. е. «не является однажды созданным и навсегда запечатленным произведением: она движется из уст в уста, от сказителя к сказителю, от переписчика к переписчику; каждый такой рассказчик почти всегда является и соавтором сказки, то есть что-то изменяет в ней, при этом от его творчества сказка иногда улучшается и приобретает более глубокий смысл, а иногда обедняется и утрачивает свои первоначальные высокие качества. Процесс творчества сказки продолжается десятилетиями

и столетиями, в нем участвуют представители нескольких поколений народа. В этом сложном процессе мудрое, поэтическое начало сказки, оформленное в конкретный сюжет, может стусеваться, измениться, переработаться в другое начало, в другую идею, может быть, столь же ценную, но иную; сказка, наконец, может предаться забвению и умереть».

2. Собрания русских сказок, сделанные фольклористами, это не истина в последней — народной — инстанции, а всего лишь «обработка», причем, «обработка» ученого.

3. Опыт сказок Пушкина, «идеального обработчика» (!) народных сюжетов, подтверждает, что не «книжным» ученым, а только художнику под силу «составить» или «обработать» сказку. Причем, не всякому художнику: а только «корифеям литературы» (названы Пушкин и Лев Толстой) и «большим художникам» современности (назван Алексей Толстой) удалось, по Платонову, выполнить сверхзадачу и приблизиться к цели — «восстановление, воссоздание наилучшего *коренного варианта данной сказки* из всех вариантов, созданных народом на эту тему».

Именно эти установки, глубоко отрефлектированные Платоновым, и определяют идею проекта, изложением которого завершается рецензия о книге сказок Толстого. Сказки в обработке Толстого — это *«лишь начало дела; необходимо издать весь свод русских сказок*. Этот свод помимо своей великой художественной и этической ценности, должен явиться как бы *материальным хранилищем сокровища русского языка, драгоценнейшего достояния нашего народа»*¹¹.

Если мы не будем учитывать эту крохотную рецензию Платонова, являющуюся своеобразной эстетической программой-манифестом писателя в его работе со сказками, то «контаминация... вариантов сказки» (В. Вьегин) может иметь право концепции. У Платонова (вслед за А. Толстым) речь идет о создании «коренного варианта данной сказки», а вовсе не о соединении разных редакций. Контаминациями богаты сказки, создаваемые советскими писателями, а идеология контаминаций получила обоснование еще на Первом съезде советских писателей: «Мы не собираемся возрождать в советской стране старую сказку. <...> Мы знаем, что напрасно и наивно было бы ожидать возрождения тех художественных форм, которые некогда были целиком основаны на мифологическом отношении к природе. <...> Конечно, мы будем внимательно читать и изучать народный эпос, старую сказку, легенду, былину. Но у нас уже настало время для создания и новой сказки»¹², — в этих словах С. Маршака из его доклада о детской литературе на Первом съезде советских писателей (1934) установка 1930-х гг. и ее преемственность с первым революционным десятилетием очевидны: создание новых сказок на русском языке в духе концепции соцреализма — «национальных по форме и социалистических по содержанию». Последнее означало — видоизмененный, но все тот же разрыв с «синей птицей» народной русской сказки — мифической «душой» окружающих явлений и предметов, скрытыми в памяти сказочного слова зернами национальной истории, географии, характерологии и в целом эстетики национальной культуры и т. п.

Именно *советской* позицией и была продиктована оценка образа Марьюшки у фольклориста Нечаева: «...характер скромницы и доброй дочери перегружен излишним смирением, паче гордости, несвойственным характеру девушки». (Так и кажется, что пропущен эпитет к слову «девушки» — «советской девушки».) Утверждение, что дидактика в сказках Платонова «лежит в русле генеральной линии советской «идеологии фольклора», столь же далеко от литературной реальности 1940-х гг., как и тезис, что сказка «позволила художнику впервые, не вступая в противоречие с доминирующими тенденциями литературного процесса, участвовать в нем»¹³. Перефразируя исследователя, можно сказать, что противоречие

с доминирующими тенденциями официальных советских сказочников (см. секцию детской литературы в Союзе писателей) было у Платонова глубочайшим и фундаментальным в своем основе, да и участие в самом литературном процессе «обработок» сказок не таким уж легким. Единомышленников в «деле издания русского эпоса», как его видел Платонов, во второй половине 1940-х было не так и много. Не случайно ведь в письме к Шолохову «тенденции литературного процесса» в отношении русских сказок выглядят в изложении Платонова весьма тревожно: «Один из вопросов — и самый главный — это организация дела издания русского эпоса. Ты сам понимаешь, что это значит. Оно имеет общенациональное значение. Без тебя мы этого дела не вытянем, с тобою оно пошло бы легко». Это пишется в ноябре 1947 г., а рецензия на книгу сказок А. Толстого вышла еще в майском номере журнала «Огонек». Можно сказать, что ко времени письма к Шолохову ситуация с изданием русского эпоса Платоновым никак не продвинулась.

Мог ли Шолохов изменить эту ситуацию? После 1946 г., когда Шолохов откажется от предложения Жданова занять пост Генерального секретаря Союза писателей и обойдет полным молчанием «исторический» доклад Жданова о ленинградских журналах «Звезда» и «Ленинград», Шолохову все труднее влиять на принятие каких-то решений. Особенно такого глобального проекта как издание русского национального эпоса. И Платонов, и Шолохов понимали, «что это значит» для языка русской жизни и культуры, а также для существования базовых идеологем советской литературы. Защитников у последней было немало — в отношении к народным русским сказкам официальная позиция Союза писателей с 1934 г. не претерпела значительных изменений, несмотря на заветы о народности советской литературы. Выскажем небесспорное предположение, что в отношении к возрождению русской сказки автор «Тихого Дона» был в большей степени пессимистом, чем автор «Чевенгура». Не опубликовавший ни одной сказки, Шолохов и в «Тихом Доне», и в «Поднятой целине» даст множество примеров «обработки» различных сказок и напишет портреты их *прирожденных* рассказчиков. Последний такой рассказчик сказок в творчестве Шолохова — это дед Шукарь, история которого дописывается Шолоховым уже после смерти Платонова. Финал ее — весьма неутешительный, и не только для хутора Гремячий Лог.

Письмо Платонова со всей очевидностью ставит и другие вопросы, на которые нет пока ответа. Шолохов, как известно, аккуратно отвечал на письма, но копий в домашнем архиве практически не оставял. Ответил ли он Платонову в ноябре 1947 г. письмом или они встречались? В ноябре у Платонова в Детиздате выходит «Финист...», у Шолохов — главы из романа «Они сражались за Родину»¹⁴, и он был в Москве. Где находятся машинописи 3-х сказок, которые читал Шолохов и, возможно, оставил какие-то пометы? Отдельным изданием (1947, 1948) в Детиздате выходила только «Финист — Ясный Сокол». Из письма следует, что Платонов просит Шолохова поддержать издание 3-х сказок. О каких 3-х сказках идет речь? Входит или не входит в это число «Финист...»? Если речь идет о других трех, то, значит, из 7 сказок, вошедших в книгу «Волшебное кольцо», к осени 1947-го было написано уже 4 сказки? Как формировался состав книги «Волшебное кольцо»? Каковы основные этапы ее редподготовки? Кто был рецензентом? Сохранился ли наборный экземпляр «Волшебного кольца»? О том, что на эти и другие вопросы необходимо искать ответы, свидетельствует один из последних документов творческой истории книги «Волшебное кольцо». Это письмо из редакции Детиздата от 31 мая 1950 г., которым Платонова извещали, что сборник «Волшебное кольцо» подготовлен к сдаче в набор:

«...работа редакции над ним, включая поправки, сделанные Вами в последние дни, и иллюстрирование его, закончены.

У редакции вызывает сомнение сказка «Чудесный мальчик» как менее ясная и по мотивам и менее удавшаяся в литературном плане. Этот вопрос редакция решит с Вами дополнительно, но это не послужит какой-либо задержкой в дальнейшей работе над сборником.

Ввиду того, что сборник, до его завершения, был включен в резервный план 1950 года, мы ходатайствуем перед руководящими инстанциями о возможности издать его теперь же. Надеюсь, что это будет нам разрешено, и мы со своей стороны сделаем все зависящее от издательства, чтобы книга появилась возможно скорее»¹⁵.

Сказка «Чудесный мальчик» впервые будет опубликована Марией Александровной в 1967 г. («Дон». № 5). Книга «Волшебное кольцо» вышла в свет в октябре 1950 г. — за несколько месяцев до кончины А. Платонова. Это — последняя книга, вышедшая при жизни писателя.

¹ © Публикация В. Васильева.

² Шолохов М. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 2002. С. 365.

³ Вьюгин В. «Волшебное кольцо» — русские народные сказки Андрея Платонова (Воплощенная утопия) // Творчество Андрея Платонова. Кн. 2. СПб., 2000. С. 153.

⁴ Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С. 462.

⁵ Подробно об истории русской сказки, запечатленной на страницах «Тихого Дона», см. в нашей работе: Корниенко Н. В. «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. М., 2003. С. 71–77. (В печати.)

⁶ См.: Книжная летопись. 1947. № 42. С. 50.

⁷ Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. С. 475.

⁸ Вьюгин В. Указ. соч. С. 155–156.

⁹ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 84, лл. 1–3.

¹⁰ Книжная летопись. Указ. изд. С. 53.

¹¹ Огонек. 1947. № 26 (26 июня). С. 24.

¹² Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 27–28.

¹³ Вьюгин В. Указ. соч. С. 162, 163.

¹⁴ Книжная летопись. Указ. изд. С. 53.

¹⁵ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 6.